

С тех пор его отец больше не осмеливался поднимать руку на мать, боялся даже вернуться домой. Вскоре он подал на развод. В тот день Чжа Нань был на седьмом небе от счастья, устроив с Диу Дуном застолье, которое затянулось до глубокой ночи. Все трое напились до беспамятства, ругая его отца, а он смеялся, словно ребенок, и впервые, и единственный раз она увидела в его глазах слезы.

Чжан Юнцян вдруг произнес:

— Жохань, посмотри, Чжа Нань в порядке, он так громко ругается, живой и здоровый.

Только тогда Чжа Нань заметил, что Ван Жохань стоит у входа, держа в левой руке бумажный стаканчик, из которого поднимался дымок. В правой руке он держал синий чайник, а его глаза выражали полное недоверие.

Чжа Нань мгновенно лег, заявив:

— Староста, у меня действительно болит живот, я просто потерял голову из-за Юнцяна.

С этими словами он схватился за живот, громко стона от боли.

Ван Жохань неловко улыбнулся.

Чжа Нань подумал: «Вот и всё, пропал».

Тот, кто не болел, притворялся больным, а тот, кто действительно страдал, оказался разоблачен.

Ван Жохань протянул ему стаканчик, но Чжан Юнцян выхватил его, приложив к ране на лбу:

— У меня голова болит, Жохань, я выпью первым.

Чжа Нань закатил глаза:

— Юнцян, у тебя же не горло болит, горячая вода тебе не поможет.

Чжан Юнцян ответил:

— Голова не пройдет, но мне станет легче на душе. Ведь это ты сам налил мне воды.

Чжа Нань схватил стакан снизу, заявив:

— Это староста налил мне.

Но, коснувшись стакана, он тут же пожалел — он был слишком горячим. Однако Чжан Юнцян

не отпускал, и он тоже не собирался сдаваться.

Оба удерживали стакан, не желая уступать, и казалось, что он вот-вот разорвется. Ван Жохань сказал:

— Не ссорьтесь, я принесу еще один стакан.

В комнате воцарилась тишина, лишь слышался звук воды, плещущейся в стакане.

Чжа Нань спросил:

— Юнцян, у тебя голова прошла?

Чжан Юнцян ответил:

— У тебя живот прошел?

— Ты же знаешь, что у меня болит живот, зачем тогда отбираешь горячую воду? — Чжа Нань покрылся холодным потом, его лицо побледнело, и он слабо удерживал стакан, тихо произнеся:

— Ты что, ревнуешь?

Чжан Юнцян сжал стакан сильнее:

— Ревную, поэтому этот стакан мой. Я разбавлю вкус ревности, а потом налью тебе.

Чжа Нань не ожидал, что он так быстро сообразил, и с улыбкой сказал:

— Ты признаешь, что любишь старосту.

— Признаю.

— Ты признался ему?

— Нет.

— Почему не признался?

— Боюсь отказа.

Чжа Нань рассмеялся:

— Не ожидал, что бесстрашный Юнцян боится не только тараканов, но и отказа.

Чжан Юнцян нахмурился:

— Если хочешь, чтобы я купил тебе гигиенические прокладки, отпусти стакан.

Чжа Нань послушно отпустил, подлизываясь:

— Юнцян, пей медленно, не обожгись.

Чжан Юнцян выпил залпом, с ухмылкой на лице.

Чжа Нань наблюдал за ним, мысленно насмехаясь: «Ставит любовь выше дружбы».

Врач из медпункта принес медицинские принадлежности, обработал рану Чжан Юнцяна и наложил стерильную повязку, отчего его лоб выглядел так, будто на нем был приклеен заплатка, придавая ему глуповатый вид.

Чжа Нань, смеясь, хлопал себя по животу:

— Юнцян, ты такой уродливый.

Смех усилил боль в животе, и он обратился к врачу, который перевязывал рану:

— Доктор, когда подействует обезболивающее? У меня ужасно болит живот.

— Через 20 минут. Ты только что принял лекарство, подожди немного.

Как только врач ушел, Ван Жохань принес еще один стакан. Чжан Юнцян, сняв повязку, налил воды и протянул стакан Чжа Наню.

Чжа Нань, глядя на его раненый лоб, пошутил:

— Юнцян, ты стал красивее.

Ван Жохань покраснел.

Разве можно стать красивее с такой раной? И все это из-за него. Если бы он раньше простил Чжан Юнцяна, тот бы не пострадал.

Чжан Юнцян не стал отвечать, взял Ван Жохана за руку и повел его наружу. Ван Жохань смотрел на их соединенные руки, не двигаясь.

Чжан Юнцян заметил его покрасневшее лицо и, вместо того чтобы отпустить, сжал руку еще крепче, невозмутимо сказав:

— Я твой учитель, держать тебя за руку — это нормально.

Раньше, когда он учил Ван Жохана стойке, иногда касался его тела. Но тогда это было просто учитель и ученик, без каких-либо намеков. Теперь же его мысли ушли далеко. Хотя внешне он сохранял спокойствие, внутри он был крайне напряжен.

Чжа Нань пробормотал:

— Бросил дружбу, теперь стал учителем? Трус...

Ночь была холодной, луна исчезла, и даже звезды не были видны. Темное небо окутало бесконечное одиночество и тоску.

Но Ван Жохань больше не был одинок, рядом с ним был Чжан Юнцян. Раньше он всегда одиноко шел по набережной, особенно ночью, когда одиночество охватывало его целиком.

Он больше боялся ночи, потому что она усиливала страх, создавала атмосферу ужаса, порождала множество чудовищ и уродцев, но ничто не было страшнее человеческой природы.

Он предпочел бы встретиться с ночными чудовищами, чем вернуться в холодный дом.

С Чжан Юнцяном рядом у него возникло чувство, будто у него появился дом, брат и учитель.

Он не знал, что после того, как он однажды разрыдался, Чжан Юнцян каждую ночь тайно провожал его домой, молча защищая. С того дня у него уже был дом.

Они шли молча. Ван Жохань вспомнил, как они покупали гигиенические прокладки.

Чжан Юнцян никогда раньше не покупал таких вещей, поэтому взял с собой Ван Жохана. Они долго думали, как два парня, выбирающие такие вещи в школьном магазине, выглядели бы странно. Поэтому Чжан Юнцян решил пойти в магазин за пределами школы.

В то время шли уроки, и Ван Жохань не хотел идти, но Чжан Юнцян уговорил его.

Охранник на КПП узнал их и сразу же пропустил. За ними шли парень и девушка, надеясь выйти вместе. Охранник остановил их:

— Вы из какого класса? Сейчас уроки, выходить нельзя.

Девушка первая заговорила:

— Мы из того же класса, что и те двое парней. Почему вы их пропустили, а нас нет?

Охранник холодно ответил:

— Потому что они из 17-го класса, а вы — нет.

Парень сказал:

— Разве вы знаете всех учеников 17-го класса? Мы недавно перевелись туда.

Они слышали, что у учеников 17-го класса есть различные привилегии. Но они не знали, что можно свободно выходить из школы во время уроков. Узнав об этой привилегии, они попытались воспользоваться ею.

Охранник усмехнулся:

— Простите, но я знаю всех учеников 17-го класса. Даже если бы там были новички, это точно не вы.

Девушка разозлилась:

— Почему ученики 17-го класса могут делать что угодно, а мы должны соблюдать все правила? Мы учимся в одной школе, в одном классе, почему такая несправедливость?

Охранник ответил:

— Я не знаю, почему у них такие привилегии. Если хотите справедливости, идите к директору. Моя задача — не пускать вас.

Девушка топнула ногой и увела парня. Если бы их заметил учитель, это могло бы обернуться неприятностями.

Ван Жохань впервые узнал, что у них есть такая привилегия. Обычно он всегда посещал уроки, и это был его первый прогул, да еще и дневной.

Старшая школа Наньмо была полузакрытой. После того как ученики заходили утром, они не могли покинуть территорию до пяти вечера без особых причин. Для выхода требовалась подпись классного руководителя и уникальная печать.

Подпись можно было подделать, но печать менялась каждый день, и предугадать ее новый вид было невозможно.

В общем, покинуть школу в это время было крайне сложно.

Когда Чжан Юнцян предложил ему выйти, Ван Жохань рассказал о сложностях, но Чжан Юнцян заверил его, что все в порядке. Впрочем, учитывая, что Чжан Юнцян постоянно прогуливал, он, вероятно, был опытным в таких делах.

Магазин за пределами школы был большим, яркий свет освещал каждый товар, делая его более привлекательным, чем в школьном магазине. Здесь все выглядело как в роскошной упаковке, соблазняя покупателей.

<http://bllate.org/book/15447/1370331>